

Анна Аманти

Тайна рождения

Анна Аманти

Тайна рождения

<https://litres.ru/73857254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Появление Энн Траверс в семье английских аристократов на территории России овеяно тайной, которая занимает ее всю сознательную жизнь. В поисках ответов на свои вопросы она знакомится с Анной Аманти, которая станет для нее не только лучшей подругой, но и поможет разобраться во всех хитросплетениях человеческих судеб, снять подозрения с отца Энн (настоящего английского лорда) в измене, и разгадать тайну рождения, которую не смог решить даже тест ДНК.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	47
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Аманти

Тайна рождения

Тайна рождения

Оглавление

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Эпилог

Пролог

Молодая женщина на седьмом месяце беременности с интересом обходила загородный дом, который они недавно приобрели с мужем недалеко от Москвы по западному направлению. Сделка была выгодной, собственник — молодой человек лет тридцати пяти, случайно стал наследником дома со всеми удобствами, обустроенного и обставленного, пусть не по современным дизайнерским меркам, но со вкусом. Дом подкупал своей возможностью сразу начать жить в нем, не расходуя лишних средств на ремонт или обустройство. Молодому собственнику дом был не нужен, он выставил его на продажу по очень привлекательной цене, которая по всем параметрам устраивала молодую пару, ожидающую первенца.

После сделки супруги сразу заселились в дом и стали потихоньку его обживать. Дом был расположен на охраняемой территории, поэтому молодая женщина не боялась оставаться в нем по ночам в одиночестве в дни ночного дежурства мужа. Вот и сейчас, она, проводив мужа на дежурство, обошла дом и решила заглянуть в кабинет, который манил тайнами прежних жильцов. Женщина с любопытством открыла верхний ящик письменного стола и извлекла из него стопку печатных листов. Она пробежала глазами первую страницу,

ойкнула и вместе со стопкой листов перешла на кухню, где заварила себе чай.

Ночью она не спала, читая в каком-то запале найденные страницы. Это был роман о судьбе двух подруг, написанный хорошим слогом и с интригой. Женщина порадовалась, что мужа не было дома, никто не препятствовал ей дочитать до конца и узнать тайну одной из героинь. Первую половину следующего дня женщина проспала, вяло отвечая на звонки мужа с отсылкой на низкое давление. Когда она окончательно проснулась, то побежала в кабинет в поисках автора произведения, которое захватило все ее мысли этой ночью. В письменном столе, да и на нем самом, больше ничего не было. Кто оставил эту рукопись, кому принадлежат эти захватывающие строки, стало загадкой, которую женщина очень хотела разгадать.

Рукопись явно писалась несколько лет, о чем свидетельствовали даты, периодически проставленные между главами. Первая относилась аж к сентябрю 2009 года, когда, похоже, автор приступил к созданию повествования. Несмотря на разрывы во времени, определяемые по датам создания произведения, само оно представляло собой законченную историю, позволяющую последовательно проследить приключение двух подруг в возрасте чуть старше тридцати лет, которое случилось более пятнадцати лет назад. Но автор и история создания рукописи были неизвестны.

Заинтригованная женщина залезла в интернет в попыт-

ках найти изданную рукопись, но и всемирная сеть ничем не порадовала искательницу. Женщина дождалась мужа и чуть ли не с порога обрушила на него новость о произведении с требованием найти кого-нибудь из профессионалов, который смог бы оценить найденные материалы. Муж пообещал передать рукопись своему однокласснику, который работал редактором в одном из издательств.

Вердикт одноклассника-корректора был однозначен: «Публиковать». При этом встал вопрос авторства произведения. Оно было написано от первого лица, и из повествования следовало, что автора зовут Анной, фамилии или иных идентифицирующих признаков больше не было. На состоявшемся во время дружеского ужина с одноклассником совещании было принято решение оставить автору имя, под которым он возник на страницах своего романа, и придумать ему говорящую фамилию.

— Анна Влюбленная! — мечтательно проговорила женщина, поглаживая свой животик. — На этих страницах столько любви, причем разной, что это непременно надо выразить в псевдониме автора.

— Звучит неплохо, но... — голос взял редактор, — но больше похоже на какое-то прозвище. Может, поискать перевод «Влюбленная» на другие языки?

— Аманти. Анна Аманти! — торжественно воскликнул муж — любитель итальянского языка и культуры. — По-итальянски «влюбленная» — аманти.

— Отлично! Мне очень нравится! — захлопала в ладоши женщина.

Так в издательстве очутилась рукопись, которая была издана под авторством Анны Аманти. В самом издательстве хранится важная приписка: в случае, если настоящий автор произведения обратится в издательство и докажет свое авторство, то все причитающиеся ему выплаты будут произведены в установленном требованиями законодательства порядке.

Глава 1

— Вы знаете, где и как вы появились на свет?

Какой странный вопрос, — подумалось мне, но именно с него моя жизнь неожиданно круто перевернулась, а мой локомотив, тащивший три с хвостиком вагона номиналом по десятку лет каждый, сошел с рельсов и пошел под откос. Сидя сейчас на скамейке около памятника Пушкину напротив бывшего концертного зала «Россия» спустя ровно год от озвученного вопроса, я ни о чем не жалела, а была даже благодарна судьбе за испытанные приключения.

В тот день, когда прозвучал этот вопрос, я так же сидела на той же самой скамейке и напряженно вглядывалась в лица встречающихся у памятника Пушкину. Стоял жаркий июньский вечер, пары сходились и расставались у памятника великому поэту, в утомленном долгой жарой воздухе летала лень, я сидела и недоумевала, зачем я сюда пришла, поддавшись какому-то нелепому искушению.

Я вспомнила, как вчера, рассматривая очередной отчет об оценке, я наткнулась на странное витиеватое письмо, оформленное в старом стиле. Я уже хотела переложить письмо в том с используемыми оценщиком документами, как обращение по моему имени заставило меня медленно прочитать все содержание письма:

Анна!

Наша первая встреча оставила глубокий след в моей душе! Я думаю, что Вы именно тот человек, которого я так долго искал. Если Ваша душа также совершенна, как Ваше лицо и тело, заклинаю Вас прийти на встречу со мной 06 июня сего года. Я буду ждать Вас в шесть часов вечера означенного дня у левой ноги памятника Пушкину напротив «Пушкинского».

Если Вам не чужды законы чести и благородства, пожалуйста, уничтожьте это письмо и никому не показывайте его.

*Искренне Ваш,
Джон Т.*

О Боже! Но я не знаю никакого Джона Т. и никогда с ним не встречалась, — первая мысль, появившаяся в моей голове после прочтения такого странного послания.

Ну же, Энн, не глупи, это письмо адресовано не тебе, ты по ошибке прочитала чужое письмо. Ой, простите, забыла представиться, Анна, друзья зовут меня Энн, а вот на работе я у нас Анна Владимировна, тридцати трех лет от роду, на текущий момент не имею ни мужа, ни вот уже как четыре месяца бойфренда — это, думаю, важная характеристика молодой современной девушки. Имею, вернее имела, престижную работу в госучреждении, связанную с аналитикой

и написанием заключений. Уф, продолжим.

Наверное, письмо предназначалось кому-то из аналитиков, — я глянула в документы, приложенные к отчету. — Так и есть: отчет составила и подписала Анна Борович. Значит, это ее будет ждать незнакомец под левой пяткой великого поэта. Хм, а интересно, почему под левой, и зачем так детализировать место встречи, если люди уже встречались...

Неожиданно в моей голове зажужжала мысль, что я должна все это увидеть, что я буду не я, если пропущу встречу столь благородного кавалера (о благородстве его чувств навевал стиль письма) и прекрасной незнакомки. И вот, уволившись с работы (просто совпадение), я сижу на жутком солнцепеке и наблюдаю за эффектной брюнеткой, обтирающей левый бок Александра Сергеевича. Брюнетка трется уже минут пять как о холодный темно-красный сердобольский гранит постамента, хотя пришла на место встречи с десятиминутным опозданием.

Кто этот благородный кавалер, который сам умоляет о встрече с прекрасной дамой и опаздывает на нее?

Мои размышления прервал странный вопрос, раздавшийся у меня за спиной.

— Так, вы знаете, как (это более или менее понятно, все люди взрослые), главное, где вы появились на свет?

Я повернула голову. Передо мной стояла милая девушка лет двадцати пяти и пристально смотрела мне в глаза. Под ее пронизывающим взглядом я поняла, что не имею никакого

права говорить неправду.

— Посредством живорождения в роддоме имени Грауэрмана.

— Вот и вы — одна из большинства. А я не знаю ответа на эти вопросы, — грустно сказала юное создание.

Девушка обогнула скамейку и села рядом со мной.

— Откуда вы знаете вон ту эффектную брюнетку?

— Я ее вовсе не знаю.

— Не обманывайте! Вы не сводите с нее глаз, в вашем взгляде нет праздного любопытства, он слишком напряжен. Что вы про нее знаете?

— Только то, что она должна здесь встретиться с мужчиной по имени Джон, и что ее зовут Анной.

— Откуда вам это известно?

— Это вышло случайно...

— Ничего случайного в этом мире нет, — и она снова пристально посмотрела мне в глаза. — Она должна встретиться здесь с моим братом, который любезно согласился мне помочь в одном важном для меня деле, и, несмотря на свою сверхзанятость, дал свое согласие провести эту встречу.

Хорош ухажер, — подумала я, — заставляет девушку ждать уже больше пятнадцати минут.

Почему-то заочно в моей душе утвердилось чувство неприязни к незнакомому брату столь очаровательного юного создания.

— А вот и он.

Я перевела взгляд с лица девушки, которое минуту назад тщательно рассматривала, и посмотрела в сторону памятника. Навстречу к брюнетке шел высокий молодой человек в обтягивающих голубых джинсах, черной рубашке, эффектно подчеркивающей все мужские достоинства его торса, с пронзительно синими глазами. Он был дьявольски хорош. Побывать в его объятиях мечтала любая мало-мальски романтическая натура. Я тяжело вздохнула, так как в груди что-то защемило, а сердце сжалось от жалости к себе и зависти к брюнетке. Весь женский состав, околачивающийся у памятника знаменитому поэту, завороченно, затаив дыхание, смотрел на молодого бога, неспешно приближающегося к своей пассии.

Нет, ну и наглец! Назначить девушке свидание в столь высокопарном стиле, опоздать на него на двадцать минут и явиться без букета! Какая самоуверенность, какое нахальство, какая непогрешимая вера в собственную неотразимость! — Я громко фыркнула, чем вызвала удивленный взгляд своей собеседницы.

— Пойдем! — сказала она, и, резко схватив меня за руку, потащила со скамейки.

Опешив от ее резкого перехода на «ты», от натиска кипучей энергии, я невольно встала со скамейки и несколько шагов следовала за ней, не задавая лишних вопросов. Наконец, поняв, что дальше, как безмолвный бычок, я идти не могу, я остановилась посередине бульвара.

— Куда мы идем?

— В кафе «ПушкинЪ», куда же еще. Именно туда Джон и пригласил Анну. Ты, кстати, мне так и не ответила, откуда узнала про эту встречу, ну да ладно, как раз за ужином и откроешь завесу тайны.

— Я не могу себе...

— Пошли, я угощаю, и не бери в голову.

— А не много на сегодня Пушкина: памятник, ресторан, день рождения?

— Слушай, у нас помимо твоих философских вопросов тьма-тьмушая всего, на что хотелось бы получить хоть какой-то более или менее вразумительный ответ. Так что, нечего стоять тут истуканом — пошли.

Юное создание с удвоенной силой стало тащить меня за руку. Прекратив сопротивляться, я наконец сдвинулась с места, и мы спустились в переход, чтобы перейти на другую сторону и выйти на Тверской бульвар. На бульваре мы, не спеша, шли запереди маячившей красивой парой: высокий брюнет с эффектной брюнеткой на сногсшибательных каблуках. По дороге к ресторану я без утайки поведала своей спутнице историю о письме, случайно найденном в отчете, а также восхитилась стилем его написания.

— Хм, ты хочешь сказать, что тебя тоже зовут Анной?

— Энн, так мне приятнее. Не люблю, когда обращаются по имени, ну, вернее, не люблю быть Аней. Анной, Анютой, Нюрой — да, а вот просто Аней — брр.

— Ок, меня можешь звать как раз Аней — я это, наоборот, очень люблю.

Так, за приятной процедурой знакомства и разговором мы подошли к известному своим пафосом ресторану, и я приготовилась увидеть воочию блеск роскошной жизни. Мы вошли внутрь. Поначалу от испуга я закрыла глаза, и пока моя спутница разговаривала с обслуживающим персоналом, который, судя по всему, ее хорошо знал, я осторожно приоткрывала то один, то другой глаз, изучая исподтишка окружающую обстановку. Наконец, когда все формальности были соблюдены, и было принято решение о месте нашего сегодняшнего размещения, нас повели в зал с заполненными до самого потолка книжными полками. Я непрерывно вертела головой во все стороны, чтобы как можно больше впитать в себя окружающую нас обстановку. А впитывать было что: старинные книжные полки, тянущиеся до потолка, резная мебель восемнадцатого века, серебристые изысканные подсвечники, обилие предметов из лабораторий века просвещения и многое, многое другое. Вся обстановка в стиле века, в котором жил великий поэт, навевала спокойствие и удовлетворенность жизнью. В стенах ресторана сразу забывался суетный, вечно бегущий ритм столицы, здесь витало вдохновение, и отсюда не хотелось уходить.

По пути к месту нашего уединения я отметила столик, где уже всю брүнет с брүнеткой склонились над меню, мозгуя, чем порадовать свои желудки. Странное дело, он дер-

жится с ней несколько отчужденно, стараясь свести к минимуму все возможные контакты, тогда как девушка, явно жаждет более тесного общения: она невзначай качает закинутой на другую ногу ножкой, обутой в изящную туфельку, стараясь коснуться безупречной голубизны джинсов ее собеседника, она как можно ближе к середине стола кладет свои холеные руки с прекрасным маникюром, она наклоняется к своему визави при каждой его фразе. Надеюсь, хоть сейчас мне прольют свет на всю эту историю.

Наконец, мы пришли к нашему столику, куда незамедлительно взгромоздили свои уставшие от жары тела.

— Думаю, заказ сделаю я, чтобы ты не ограничилась пирогами, как самым дешевым приготовляемым здесь блюдом. Разговор предстоит долгий, так что необходимо запастись провиантом. Но для начала аперитив!

— Кхе...

— Только не говори, что не потребляешь алкоголь. Знаешь, у меня чувство, что сегодня что-то значимое сложилось в моей жизни, поэтому мы будем пить шампанское. Для меня есть только брют в этом мире, что предпочитаешь ты?

— Брют.

— Отлично! Нам бутылку Moët & Chandon для начала.

Я удивленно посмотрела на свою спутницу: «Чьими деньгами она так расшвыривается, чтобы вот так с совершенно неизвестным человеком распивать элитные алкогольные напитки бутылками?»

— Ты что предпочитаешь «Вдову Клико»? Не сегодня. А насчет денег — да, я сегодня шикаю, и не с каждым встречаемым я пью шампанское, не надо так на меня смотреть.

Моя новая знакомая выбрала нам не менее изысканные закуски и горячие блюда, и мы плавно приступили к наиважнейшей части нашей беседы.

— Итак, как я уже сказала, меня зовут Аней, вернее, настоящее мое имя — Энни Траверс (упрощенно, не вдаваясь в подробности и иерархию английских титулов). Моя семья, выслужившись до маркиза, чтит традиции своих предков и ревностно относится к сохранению нашей фамилии, поэтому, несмотря на долгие годы ассимиляции, мы продолжаем носить эту фамилию, и если я еще могу ее легко сменить, то мой несчастный брат находится под жутким давлением всех родственников, поскольку в последнее время в роду стали рождаться исключительно девочки. Вот теперь все ждут, когда он узаконит отношения с достойной особью женского пола и порадует всех как минимум двумя наследниками мужского пола. Надо сказать, что все это пристальное внимание к своей персоне ему уже так надоело, что он перестал знакомить потенциальных невест с многочисленным числом тетушек, бабушек и прочих родственников. В их число попали и мы с мамой, так что о личной жизни брата я знаю только то, что на данный момент у него есть постоянная подруга, с которой он уже вот как два года, может, три.

— Эта? — спросила я, кивнув в сторону красавца-брюне-

та и красавицы-брюнетки (пара прям эталон из женских романов).

Энни обернулась, посмотрела через левое плечо, слегка задумалась, переваривая мой вопрос.

— Не. Эта недавняя знакомая, может, третий раз и видятся. Письмо к ней придумала я, Джон только записал фактически под диктовку. Такие девушки, как Анна Борович, знают себе цену и даже самого перспективного кавалера к личному общению допустят только месяц спустя. У меня, как ты понимаешь, шансов не было никаких узнать интересующую меня информацию (а она меня очень интересует, причем именно сейчас, а не месяцы спустя), пришлось подослать к ней Джона, случайно подстроив их встречу. Я попросила сыграть его на чувствах к ней. Она повелась, но стала мурыжить его и требовать все соответствующие знаки внимания. При этом у таких девушек все наперед расписано: когда допустить до руки, после какого свидания можно позволить поцеловать себя в щечку ну и так далее. Ждать мне некогда, поэтому я решила ее спровоцировать, написав такое интригующее письмо. Видишь — сработало: примчалась сразу, даже опоздала на десять минут, вместо положенных кодексом красоток пятнадцати. Но я отвлеклась, речь в данном случае пойдет не о нем, а обо мне. Так вот, прожив тридцать четыре года на этой планете, я так и не знаю, где я родилась.

Тридцать четыре — никогда бы не подумала, а выглядит

как первокурсница.

— Что? Я тебя удивила своим возрастом? Да уж, люблю шокировать народ. Ты, поди, думала, что мы ровесницы, а видишь, как оно вышло, я почти на поколение тебя старше.

— На поколение, ты, конечно, махнула. Максимум год, а там, может, и того меньше.

— Да ладно? Хочешь сказать, что твой возраст тоже плавно двигается к весьма круглой дате, содержащей четверку?

— Угу, именно туда и движется. Ну да, мы опять отклонились от темы.

— Да, прости, лирическое отступление. Несмотря на всю старомодность воспитания, в моей семье всегда доминировали предельно откровенные отношения между ее членами. В ней есть только одна тайна — тайна моего появления в семье. Я не знаю, где я родилась, как долго мучилась, мучилась ли вообще моя мама, я не знаю свой вес и рост при рождении, я не знаю, сразу ли я закричала или спустя какое-то время. Из всего своего появления на свет я знаю только дату рождения, и то этот факт вызывает у меня последнее время большое сомнение.

Мой брат, который старше меня на семь лет, по идее должен помнить события, предшествовавшие моему появлению в его доме и в его жизни, но он ничего не помнит. Он даже не помнит, была ли мама беременна мной. Просто в один декабрьский день мама с папой куда-то уехали, оставив его на попечение старой прабабушки. К вечеру того дня папа за-

скачил домой, взял какие-то вещи из их спальни, погладил Джона по взлохмаченной макушке и исчез в завываниях декабрьской бури, а через несколько дней вернулся вместе с мамой домой. В руках у мамы был какой-то куль, перехваченный розовой лентой.

Мама с папой торжественно и наигранно весело сообщили моему старшему брату, что он теперь в семье не единственный ребенок, теперь он обзавелся младшей сестрой. Так в семье Траверсов появилась я.

Официант наполнил в очередной раз наши бокалы, и мы выпили за столь радостное событие, случившееся тридцать четыре с половиной года назад. Энни обернулась и посмотрела на своего брата, который отстранился от брюнетки и что-то вещал ей менторским тоном. Затем неожиданно брюнетка вскочила со своего места, выплеснула на Джона бокал какого-то напитка и гордо удалилась, фырча на всю округу от своего разочарования.

Джон расплатился по счету, стряхнул с себя оставшиеся капли душа и медленно пошел по направлению к нам. Подойдя к нам, он галантно поклонился. То острое чувство негатива, возникшее при первом взгляде на этого человека, на текущий момент только окрепло и закрепилось.

— Джон, познакомимся, это моя подруга — Энн.

— Везет мне сегодня на Анн. Очень приятно, я брат этой молодой эксцентричной особы.

В его взгляде приятности сквозило ровно столько же,

сколько у человека, страдающего анафобией, увидевшего перед собой живого паука. Хотя, и с моей стороны было не меньше дружелюбия во взгляде. Я долго думала в своей постели ночью того дня, что есть отталкивающего в этом красавце-брюнете, и не находила ответа.

Джон присел за наш столик.

— Анют, это дохлый номер. Ее мать умерла два года назад, а то, что она вскармливала кого-то параллельно еще вместе со своей дочерью, она никому не рассказывала.

— Черт! Я слишком надеялась на эту встречу. Ну да ладно. На чем я остановилась?

— На своем появлении в семье, — ответила я.

— О! это тебе подробно расскажет мой брат, как свидетель тех событий, а я пойду прогуляюсь до дамской комнаты. — И Анюта спешно удалилась за барную стойку.

— Давно вы знакомы с моей сестрой? — резко спросил красавец-брюнет.

— Ровно час и сорок одна минута.

— Где вы работаете?

— Это что, допрос с пристрастием?

— Пока нет, просто собираю сведения о знакомых моей горячо любимой сестры. Так, где вы работаете?

— С сегодняшнего дня нигде. Решила обдумать свое будущее, поэтому уволилась с работы.

— Как вы познакомились с Энни?

— Подписала обходной лист, получила трудовую, села у

Пушкина подумать, сзади голос вашей сестры с дурацкими вопросами о моем рождении.

— В общем, так, милочка!

— Я вам не милочка!

— Не важно, Анюта — человек с открытой душой и сверх-добрым сердцем, поэтому учтите, я постоянно буду присматривать за вами, пока вы будете общаться с моей сестрой. И еще вам не удастся вынудить ее потратить на ваши аферы ни копейки.

— Ну знаете! — гневно сказала я и резко встала из-за столика, сняла ремешок своей сумки со спинки стула, перекинула его через плечо, развернулась на 180°, и, не глядя на оппонента, пошла к выходу.

По пути я столкнулась с Анютой, шедшей к нам из дамской комнаты.

— Не стоит слушать моего брата. Он грубиян и хам в общении с моими подругами. Все считает, что те общаются со мной только из-за денег. Пойдем, я продолжаю угощать. Ты, действительно, мне нужна, а его я сейчас вышвырну вон. Хотя, если честно, по большей части он был прав относительно моих подруг, но к тебе его подозрения беспочвенны, я это чувствую.

Я до сих пор не знаю, что заставило меня пойти за этой малознакомой девицей и вновь присоединиться к обществу ее неприятного братца, но точно осознаю, что это был самый поворотный момент всей моей жизни.

— Джон! Я хочу знать всю правду о дне, времени, месте своего рождения, и Энн будет мне помогать в моих расследованиях, хочешь ты того или нет.

— Хорошо, только учтите, — сказал Джон, поднимаясь и глядя мне прямо в глаза, — я буду рядом, чтобы отслеживать каждый ваш шаг.

Поцеловав на прощание сестру в щечку, Джон Траверс стремительно вышел из ресторана.

— Я так понимаю, что в его исполнении рассказа о моем появлении в семье не последовало, так что придется снова самой. Продолжу. В момент возвращения мамы и папы из кухни вышла наша старенькая бабушка (бабушка моего отца), откинула уголок одеяла, в которое я была завернута, посмотрела на мое лицо и сказала, что я достойная наследница Траверсов, и меня ждет большое будущее. Потом она взяла меня на руки, слегка покачала, и, возвращая матери, пообещала рассказать мне всю правду в день моего четырнадцатилетия. Бабушки не стало, когда мне оставалось меньше месяца до озвученной даты. Ей было девяносто семь.

Мы молча, не чокаясь, отпили по глотку, поминая Анютину бабушку и, плавно прикончив аперитив, перешли к основному блюду.

— Это все, что помнит Джон о моем рождении, — Энни отрезала кусочек бифштекса, нанизала на вилку, задумчиво повертела его, затем отложила и продолжила свой рассказ. — Озабоченность и некую угрюмость наших родителей в мо-

мент появления в нашем доме со мною на руках, он списал на трудность родов и те осложнения, которые могут возникнуть при этом процессе. К тому времени он был уже не по годам развитым ребенком и знал, как тяжело порой рождаются дети. Еще он помнит, как дня через два после моего столь немного грустного появления в доме вся семья сидела в гостиной, моя мать держала меня на коленях, гладила меня с большой любовью по головке и приговаривала: «Бедная девочка, через что же тебе пришлось пройти, чтобы появиться на этот свет».

Такое сидение в гостиной без телевизора и других отвлекающих вещей в подобном духе давным-давно стало нашей семейной традицией. Вернее, каждый ребенок, родившийся в семье Траверсов, впитывает с молоком матери это ритуальное действо. Совсем давно наши предки в своих только что построенных английских замках собирались в большом зале перед камином и рассказывали историю своего дня. И каждый член нашей семьи всегда знал, что в такие моменты обязательно будет выслушан, и при необходимости он всегда сможет получить ценный совет.

В тот студеный декабрьский вечер в московской квартире семья собралась не только для обсуждения обычных повседневных дел, но и чтобы дать мне имя.

— Надеюсь, все понимают, что девочку следует назвать Энни? — спросила моя прабабушка.

— Анютой! — сказал мой отец и нежно взял меня на ру-

ки. Он покружил со мной по комнате, затем подошел к моей матери и, отдавая меня ей, нежно прошептал: «Анюта».

У моего брата было свое мнение, как меня следует называть, но в тот вечер он промолчал. Так я и стала российской гражданкой с иностранным именем и фамилией по паспорту, с ласково-уменьшительным именем от Анны внутри семьи и просто Мусей для своего брата.

Одним из непреложных постулатов воспитания детей в семье Траверсов является естественное вскармливание младенцев молоком матери. Меня, как я узнала, став постарше, мама не могла кормить, и полгода у меня была кормилица (женщина, жившая в соседнем доме, у которой тоже в этот период родился второй ребенок). Этот факт в семье держали под строгим секретом, но, тем не менее, одна из тетюшек моего отца прознала об этом и жестоко оскорбила мою мать, так что на некоторое время моя семья прекратила какое-либо общение с родственниками со стороны отца. Слава богу, это противостояние длилось недолго, и уже через пять лет после случившегося мы с братом смогли снова посещать дачный домик наших тети и дяди (не прямых, троюродных или даже более дальнего родства).

Став старше и наслушавшись подробных рассказов моего брата о том, какой праздник был в семье, когда он родился, я стала приставать к нашим родителям, чтобы они поведали мне историю, как я пришла в этот мир. Этот вопрос стал занимать мое детское воображение с четырех лет. Сначала

родителям удавалось не отвечать на мои вопросы, переключая мое внимание или меняя тему разговора. Затем, в более зрелом возрасте, папа при вопросе о тайне моего происхождения молча качал головой, целовал меня в макушку и уходил, оставляя меня одну на одну с моими домыслами и догадками. Мама при этих вопросах обнимала меня, говорила: «Ой, детка», — и надолго замолкала. Когда я поняла, что не добьюсь ответа от своих родственников, я стала искать его самостоятельно.

— Первая мудрая мысль, которая пришла мне в голову, была, что меня усыновили, но вот мое сходство с папой и вообще со всеми Траверсами никак эту мысль не подтверждало, да даже, наоборот, разбивало вдребезги теорию усыновления. Я выкинула ее и стала искать дальше, — звонко закончила мисс Траверс и подняла свой бокал, чтобы чокнуться с моим.

Глава 2

Всю следующую неделю я активно общалась с новообращенной знакомой, познакомилась даже с ее родителями, которые произвели на меня, в отличие от ее брата, очень благоприятное впечатление. Мы приехали к ним на традиционный в этой семье воскресный обед. Ехать мне туда не хотелось, откровенно говоря, боялась скомпрометировать себя в этой аристократичной семье, но Аня не дала мне ни малейшего шанса улизнуть, почти насильно оставив меня предварительно ночевать у себя после ночного клуба, который мы также с ней на этой неделе посетили.

Темой обеда был подарок к свадьбе одного из родственников семейства, благодаря чему (а, скорее всего, просто благодаря дружелюбию и открытости старших Траверс) обед прошел в теплой и непринужденной обстановке. Перед десертом я вызвалась помочь Шарлотте (матери моей новой подруги, если можно ее уже так называть) с посудой, и мы с ней, толкая перед собой сервировочную тележку, плавно покинули гостиную.

— Вы умеете, как я погляжу, готовить, — произнесла леди Траверс, пока я складывала тарелки в посудомоечную машину.

— Да, но как? — удивленно спросила я, отрываясь от раз-

глядывания фамильного фарфора.

— Как я об этом догадалась? Очень просто, — рассмеялась хозяйка дома. — Моя дочь совершенно непригодна к кухне, она обладает рядом несомненных достоинств и преимуществ по сравнению с другими, но вот навыками приготовления пищи не овладела ни в какую. У меня старший сын может лучше приготовить омлет, чем эта блондинка. Видели бы вы, как она складывает посуду: рационально, максимально заполняя все пространство посудомойки, при этом не отдавая отчет, что можно мыть, а что нет, что промывается, а что так и останется на посуде, прикипев к ней после 70° двухчасового полоскания. Вы же, наоборот, очень внимательно все осмотрели, смыли соус, который точно под воздействием температуры может остаться на тарелках, причем тарелки с брусничным соусом вы не споласкивали, понимая, что этот легко смывается в посудомойке за отсутствием вяжущих клейких элементов. И только после этого стали планомерно заполнять машинку.

— Вау! Ой, простите, наверно, мне не следует так выражаться.

— Энн, прекратите! Я и мой муж живем в этой стране уже не одно десятилетие, мой муж даже в ней родился, тесно общаемся со своими двумя отпрысками, которые, несмотря на наши старания привить им английскую благовоспитанность, периодически ошеломляют нас жаргонными словечками. Честно скажу, один раз я даже слышала, как Джон вы-

яснял отношения с нерадивым контрагентом на отборнейшем матерном языке. Никогда не рассказывайте ему об этом, пожалуйста. Это моя тайна. Иначе мальчик очень расстроится, что моих ушей коснулась брань из его уст.

Я про себя улыбнулась: неужели Шарлотта Траверс думает, что я задержусь в этой семье и дойду до таких отношений с ее сыном, что доверительно поведаю тайну его матери. Мне, конечно, льстит, что этой просьбой меня косвенно приняли в семью, но учитывая нашу неприязнь с Джоном Траверсом друг к другу, не уверена, что мы будем поддерживать эти отношения.

— Как вы познакомились с Анютой? — прервала мои размышления леди Траверс.

— Сказать по правде, весьма необычно. Она меня огоршила своим первым вопросом.

— Это ее метод общения с людьми: сначала выбить почву из-под их ног, потом протянуть руку, чтобы помочь им подняться. Расскажите, безумно интересно. Вы не производите вида человека, которого легко напугать или огоршить.

Разрезая яблочный пирог, который всего два часа назад Шарлотта Траверс собственноручно испекла, я поведала ей обстоятельства знакомства с ее детьми без утайки, местами переживая и рефлексирюя за свое не совсем воспитанное поведение.

Мать Анюты в какой-то момент перестала раскладывать шарики мороженого по хрустальным мороженицам, присела

за стол, внимательно меня выслушала и на какое-то мгновение сильно задумалась.

— Вот уж не думала, что ее это настолько сильно беспокоит. Она права, есть нечто, что мы скрываем от наших детей. За все эти годы это настолько вошло в привычку, что боюсь, я даже не смогу ей поведать всей правды.

— Ну, насколько я успела узнать характер вашей дочери, если уж она что-то вбила себе в голову, что-то ее заинтересовало, то она как бульдог (простите за сравнение) вцепится в это и дойдет до конца. Хотя, я могу и ошибаться, слишком мало ее знаю.

— Нет, ты права — допустимо такое обращение?

— Конечно!

— Моя дочь, действительно, перевернет все и вся в рамках, надеюсь, дозволенного, и не пойдет по головам других людей, чтобы достичь намеченной цели. Поэтому, даже исходя из соображения не лишать Анюту радости познания, мы с отцом в этой аванюре будем сохранять нейтралитет и ни словом не подсказем и не поможем ей.

Внутренне я была абсолютно согласна с матерью Анюты. Если даже представить, что история ее появления на свет не столь захватывающе интересна, сам путь к истине сулит немало приключений.

— Пойдем уж, а то мои родственники, боюсь, уже заскучали. — Мы быстро погрузили чашки для кофе и чая, заварной чайник, турку с горячим кофе, который хозяйка сварила

на последних минутах нашего разговора, и прочие атрибуты чаепития на тележку, я взяла в руки пирог, и мы вернулись к оставшимся членам семьи.

— Только не говорите, что все это время вы обсуждали кулинарные рецепты, — воскликнул Ричард Траверс при виде нас, отдельно тепло и нежно взглянув на свою супругу. У меня больно защемило сердце от лицемерия такой нежности и взаимопонимания по истечении многих лет супружеской жизни.

— Ну уж точно ни вас, — парировала его жена. — Энн, хороший кулинар, поверьте, нам нашлось о чем поговорить. — При этих словах его матери правая бровь Джона Траверса ненадолго вопросительно изогнулась, он задумчиво посмотрел на меня, и на удивление не произнес ни одного едкого слова, которого я уже привыкла слышать в свой адрес.

После кофе мужчины, как и положено истинным английским джентльменам, удалились в кабинет, мы же с Анютой и миледи Траверс продолжали сидеть за обеденным столом, ведя неторопливую душевную беседу обо всем на свете. По дороге в Москву, сидя вдвоем на заднем сидении роскошного «БМВ» Джона Траверса, его сестра озвучивала одну сумасшедшую идею за другой. Последнее, что она мне предложила, это была дружба с ее матерью с целью выведывания секрета своего происхождения.

— Нет, я вполне серьезно: мамочке ты моей понравилась, это очевидно. Психолог она у нас знатный, в людях разбира-

ется, поэтому ты под видом любительницы готовить втираешься к ней в полное доверие, начинаешь верить ей все свои девичьи тайны, она, поддавшись моменту, раскрывает тебе секрет приготовления семейного пирога, передающийся по роду исключительно через старшую дочь, ты слезишься, и в этой чувственной атмосфере открытости задаешь вопрос, как она меня родила...

— По-моему, ты слишком плохо знаешь нашу маму. Я удивлен твоим предположением, что эта женщина, поддавшись мгновению, может выдать тайну, охраняемую ею уже почти тридцать пять лет.

— Ты, как всегда, прав, мой дорогой братец! Но как же иногда хочется помечтать!

Последние слова Анюты повисли некой смысловой галлюцинацией в салоне авто, и каждый из его пассажиров задумался о чем-то своем. Судя по блуждающим легким улыбкам моих попутчиков, несомненно, о чем-то светлом и приятном. Так, в полном молчании мы не спеша подкатили к моему дому. Около подъезда мы тепло обнялись с Анютой. На мое «спасибо» ее старший брат лишь мельком взглянул на меня в зеркало заднего вида и слегка кивнул. Я тихо вышла из машины и осторожно закрыла дверь. Очарование этой странной британской семьи окутывало меня со всех сторон, я поймала себя на мысли, что бесконечно хочу продолжения общения с ней, даже несмотря на выходки (если у английских джентльменов они есть) старшего отпрыска.

Глава 3

Так уж сложилось, что постепенно наши встречи с Анютой стали носить все более регулярный характер, то есть видаться мы стали каждый день, и не только для того, чтобы обсудить, с какой стороны подступиться к животрепещущему вопросу рождения Анюты, но и для того, чтобы сходить в кино, на выставку, просто поболтать за обедом или пройтись по набережным Москвы-реки, благо погода нам благоприятствовала. Неожиданно для себя я поняла, что всю жизнь мечтала о такой подруге и вот, когда возраст мой приблизился к отметке, когда друзей не заводят, а чаще теряют, я вдруг нашла близкого мне во всех отношениях человека.

Единственно, что омрачало мою радость приобретения — это спорадические встречи, вернее пересечения с красавцем братом моей новой подруги. Джон умудрялся контролировать практически каждую нашу встречу, внимательно наблюдал, что я заказывала на обед, и особенно ревностно следил, как мы расплачиваемся по счету после ланча. Воспитание джентльмена, видимо, не позволяло ему отпускать более язвительные замечания в мой адрес, но оно не мешало ему неотступно следить за мной.

Меня раздражала его манера везде и всегда опекать свою драгоценную сестренку, поэтому в те редкие минуты, когда

мы с ним обменивались парой фраз, кроме приветственных слов, из моих уст вылетали язвенные слова цинизма, иронии и насмешки. Похоже, наше чувство было взаимно, потому что этот образец идеала мужчины во плоти платил мне тем же, правда, воспитание в среде английских лордов все-таки давало о себе знать, и каждое его слово в мой адрес было тщательно продуманным и, на взгляд посторонних, не несло никакой негативной окраски. Его сестру почему-то наши отношения сильно забавляли, хотя невооруженным взглядом было видно, что мы с трудом дышим одним воздухом, когда волею случая оказываемся в закрытом помещении. Да я задыхалась даже на скамейках в парках, на которых мы с Анютой стали любить посидеть, когда рядом был ее несносный братец.

На одной из таких скамеек я сидела, в ожидании Энни, поминутно оглядываясь в поисках ее старшего брата, который всегда неожиданно для меня появлялся во время наших встреч, чем еще больше нервировал меня и заставлял тихо (правда, я делала это громко) себя ненавидеть. День после сменившегося антициклона с солнечными, погожими днями был пасмурным, дождя еще не было, но было очевидно, что сегодня неминуемо на землю упадут долгожданные капли влаги. Я повернула голову налево и увидела свою подругу без присущего ей оптимизма, вяло переставляющую ноги под стать хмурому дню. На секунду она оторвала взгляд от асфальта, увидела меня, через какое-то время подошла и се-

ла рядом, даже не улыбнувшись и не поцеловав меня в щеку.

Я, поддавшись настроению подруги, сидела подавленно, недоумевая, что могло с ней произойти. Анюта подняла взгляд, обвела посеревшую окрестность, устремила взор в одну только видимую ей точку и произнесла странным бесцветным голосом.

— Энн, можешь меня осудить, но я влезла в секретный шкафчик моей матери и нашла это, — Анюта протянула мне фотографию на телефоне. Судя по всему, там была запечатлена страница из дневника: «О! Рок! Зачем ты так со мной! Чем прогневала я Всемогущего? Как Ричард мечтал о дочери, о маленькой прелестной белокурой малютке, которую он будет баловать, наряжать, и которая унаследует всю силу ума и красоту женского рода Траверсов. А теперь... теперь наше счастье осталось в прошлом, а все это стало несбыточной мечтой.

Я больше не женщина! Эти изверги лишили меня возможности подарить мужу еще одного ребенка. Почему Джон так и не перевернулся, почему они вовремя не разглядели, что он шел ножками вперед, почему дежурный врач за полчаса до моих родов сломал ногу, поскользнувшись на мокром больничном полу... Почему? Почему? Почему?

Наутро, когда закончился весь этот кошмар, им не оставалось ничего другого, как полностью лишить меня радости будущего материнства, прооперировав так, что теперь ни одна моя яйцеклетка никогда больше не соединится с частич-

кой моего любимого мужчины. Я обречена!

Теперь из года в год из меня будет выходить лишь пустота, которая могла бы стать чьей-то жизнью. Со стороны я выгляжу как более чем счастливая женщина: любящий и любимый муж, удивительный сын, достаток... но мне плохо! Плохо! Плохо!»

Я с ужасом вернула Аняте ее телефон. Ее протянутая рука сильно тряслась, когда она пыталась его забрать. Я боялась смотреть ей в глаза, но поняла, что наша дружба сейчас проходит проверку, и именно это, как настоящая подруга, если действительно ею являюсь, я должна сделать. Я осмелилась взглянуть в побледневшее лицо Аняты, вмиг ставшее таким осунувшимся и даже постаревшим.

— Анят, теперь мы точно знаем, что твоя мама не могла забеременеть тобой, выносить тебя и родить. Мы не знаем, какую ужасную операцию провели твоей матери, но нам достоверно известно, что биологической матерью тебе или еще кому-то, кроме Джона, она быть не может. Мы принимаем этот факт и идем дальше, не обсуждая того, что узнали.

— Ты права, — согласно кивнула моя подруга и смахнула с ресниц капельки слез.

— Пойдем, пройдемся вокруг вырытых человеком прудов, в этом парке милые извилистые тропинки и полно мостиков. Это как раз подходящий пейзаж для умиротворения души и приведения ее в гармонию.

Анята наконец-то улыбнулась, оперлась на мою руку, и

мы неспешно пошли, вдыхая ароматы летнего дня, которые с таким трудом, но можно различить в этом безумном мегаполисе. Энни фактически висела на мне, взяв меня под руку. Выражение лица у нее, пожалуй, было все еще отнюдь не радужное, что совсем непривычно для нее. В таком состоянии мы случайно на одной из тропинок натолкнулись на ее старшего брата, который готов был убить меня взглядом, как будто это я довела его сестру до такого состояния.

— Что все это?.. — Аня оторвалась от меня, припала к груди брата и разразилась потоком безудержных слез.

Мистер Траверс нежно поглаживал свою младшую сестру, не переставая грозно поверх ее головы сверлить меня взглядом.

Я стояла растеряннo, чувствуя себя лишней, а главное, не зная, как помочь Аняте и отвести от себя подозрения ее брата.

— Я, наверное, пойду, — в замешательстве пролепетала я.

— Стой! — послышался сдвоенный хор голосов семейства Траверс.

Я застыла на месте. Поток Анятиных слез иссяк так же внезапно, как и начался. Она взяла меня за руку, оторвалась от своего слегка промокшего брата (его голубая рубашка после слезных излияний прижалась к телу, отчетливо подчеркивая контурность его тела с неким, правда, разводом потекшей туши), посмотрела ему строго в глаза и произнесла тираду в мою защиту, что если бы не я, его сестра сошла бы с

ума или выкинула что-нибудь похлеще.

— Теперь ты, наконец, можешь сказать, что случилось?

— Нет, — твердо произнесла Аня. — Я узнала кое-что из прошлого, но тебе не могу сказать, извини. Спасибо за поддержку, но мы пошли дальше дышать относительно свежим воздухом города. — Энни снова взяла меня под руку, и мы печально побрели дальше.

В какой-то момент я невольно оглянулась и увидела озадаченного и слегка потерянного брата подруги, который уже стал объектом внимания местных кумушек и молоденьких девиц, непонятно как оказавшихся здесь в это время в парке.

— Джон у тебя покоритель женских сердец.

— Этого у него не отнять, — оглянулась Аня и улыбнулась, уличезрев, как кольцо из представительниц прекрасного пола смыкается вокруг ее брата. — Вот, только сам он еще не отдал никому сердце, не верю, что он любит эту свою даму, с которой встречается уже три года.

— Почему ты ему ничего не сказала про дневник?

— Как ты себе это представляешь? Как я ему, этому идеализирующему всего и вся, что касается меня, воспитанному в традициях английского джентльменства, скажу, что я незаконно порылась в вещах нашей матери и нашла ее личный дневник. Нет, уж, спасибо, лучше пусть считает меня сумасбродкой, но в этом я ему не признаюсь ни за что.

Глава 4

Я стояла под тенью раскинувшегося дуба на третьей надпойменной террасе реки Москвы рядом с главным дворцом усадьбы «Архангельское» в сторонке от всех приглашенных на какое-то помпезное торжество, вертя в руках бокал с шампанским, и рассматривала элиту московского общества. Меня никто не знал, поэтому ко мне никто не обращался. Анята упорхнула с какими-то своими старыми знакомыми, Джон словами: «Здравствуй, дорогая» приветствовал умопомрачительную идеальную блондинку, которая только что подошла.

До меня доносились отголоски компании, где Джон и блондинка стояли обнявшись и о чем-то смеялись. Я слышала, как красотка поинтересовалась, когда же они с Джоном узаконят свои отношения, а тот рассмеялся, поцеловал ее в идеальную ровную щечку и что-то веселое ответил, отчего девушка шлепнула его по руке. Если на свете и существовала потенциальная миссис Траверс-младшая, то это, несомненно, была девушка, стоявшая рядом с братом моей подруги. Это была сама мисс безупречность: в словах, жестах, внешнем виде (ни один волосок не выбился из ее уложенной прически, ни одно пятно не прилипало к ее идеальному костюму, сидевшему на идеальной фигуре). Я представляла, какая

прекрасная свадьба ожидает этих двух отпрысков высшего света, когда сзади услышала звонкий голос Энни.

— Она его подруга детства. Знает его с младенчества. У них всего год разницы, Джон ее старше ровно на один год, на одну неделю и один день. Вот уже лет пять, как при каждой встрече они шутят, что когда-нибудь, так и не устроив свое личное счастье, они поженятся на старости лет, к радости обоих семейств. Хотя, ты знаешь, мне кажется, что с ее стороны это уже и не шутка, что она втюрилась в моего брата как кошка и просто ждет, когда он перестанет искать и от отчаяния женится на ней.

— А может она и есть его скрытая любовь, которую он прячет от семейства последние годы?

— Да? — задумалась Аня. — Нет, точно нет, — произнесла она через долю секунды. — Я помню, как на очередном каком-то семейном торжестве, Джона не было (при этом я предварительно видела билеты в «Большой» в его комнате на то число), пришла Элен и как едва заметно опустили уголки ее губ, когда она узнала, что Джона нет. Я почему-то на тот момент внимательно за ней наблюдала, поэтому смогла уловить эту мимолетную реакцию, остальные ничего не заметили. Она же у нас «Мисс безупречность», всегда слишком идеальная для этой жизни.

Надо же, а ведь я тоже пришла к этому выводу всего две минуты назад, — размышляла я, наблюдая за парой на полянке. Странно слышать такое признание из уст молодой,

ухоженной особы, отягощенной глубокими знаниями этикета, восхищающей своей эрудицией и прочими достоинствами.

— Что, не ожидала? Не люблю я ее. Вот не знаю почему, но не люблю. Индифферентна я к ней. Хотя, пожалуй, скорее нейтрально-негативна. Почему? Сама не знаю. Только, мне кажется, что и Джон не испытывает особого восторга от общения с ней.

— Хм, — задумчиво произнесла я, смотря как левая рука Анютиного брата нежно поглаживает спину эталона красоты чуть повыше талии.

Внезапно рука Джона резко остановилась где-то на лопатках Элен, он развернул ее к себе, что-то уточнил, жестко привлек ее к себе второй рукой, обнимающей девушку, поцеловал ее и бегом бросился к нам. Вернее, сначала тщательно осмотрелся, а уж затем, увидев нас, бросился.

— Анна! — Мы обе с удивлением от его эмоциональности воззрились на него.

— Элен напомнила кое-что из моей жизни. До твоего появления мы с бабушкой каждое лето проводили в дачном доме наших знакомых, расположенном в поселке советских научных деятелей в юго-западном элитном направлении между «Рублевкой» и «Ригой». Участок чуть ли не гектар, сохранившиеся сосны на нем, гамак в самом отдаленном уголке сада, деревянный трехэтажный дом с вытянутой башенкой, казавшимся мне замком. Родители увозили нас с бабушкой

сразу с первого июня и каждую пятницу приезжали на автобусе, а мы ходили на большую дорогу встречать их. Но сейчас не до моих воспоминаний, о которых мне напомнила подруга детства вопросом, не забыл ли я нашу клятву на чердаке того дома в шесть лет (вернее, мне-то уже семь было).

— Как интересно? И что же это за тайна?

— Пожениться, если к тридцати годам мы не встретим свою вторую половину.

— А как на том чердаке оказалась Элен?

— Наши дачи были рядом, она была единственным существом, более или менее подходящим мне по возрасту, с кем, по-твоему, я должен был общаться целыми днями? Не с бабушкой же? Подожди, это неважно сейчас. То лето, когда в дождливый день мы клялись в вечной любви на чердаке, было последним моим летом в тех краях. Зимой того года в нашей семье неожиданно объявилась ты, и с лета следующего года мы перестали туда ездить.

— И ты утратил связь со своей нареченной невестой? А нет! Это просто мама и папа были категорически против вашего брака, вот и перестали сводить деток каждое лето.

— Как ты знаешь, с Элен мы регулярно пересекались на всех семейных праздниках двух семейств, так что ни о какой изоляции невесты речь не идет.

— Ну ладно, когда мы разобрались с твоей личной жизнью за период с семилетнего возраста до текущего времени, вернемся к дому. Как это может помочь нам с Энн в нашем

расследовании?

— Давай, пройдемся, — предложил Джон, галантно согнув локоть своей руки.

И они неспешно, такие красивые и опять же безупречные, медленно направились к прекрасным галереям парка, увитым плющом и виноградом. Я проводила их чуть завистливым взглядом и решила, что мне пора уходить с этого чужого праздника жизни. Я отвернулась от брата с сестрой, нашла ближайшего к себе официанта, отдала ему пустой бокал из-под шампанского и пошла в сторону главного выхода.

Внезапно я услышала, как Анята окликнула меня по имени. Я обернулась, Энни, чуть развернувшись, держась за Джона, смотрела на меня странным, почти негодующим взглядом.

— Анна, давай бегом, где ты там застряла?

Неловко как-то получалось, но я поняла, что хочу услышать доводы Джона о том, как старый дом может быть связан с тайной Аняты, да и уходить отсюда, в такой летний погожий день, честно говоря, совсем не хотелось. Поэтому, отбросив сомнения насчет своей правомерности нахождения здесь, я ускорила шаг, чтобы догнать единственно известных мне здесь людей.

Когда я подошла, Анята с Джоном продолжили свою неспешную прогулку сквозь сень древней листвы. Я шла за ними, внимательно прислушиваясь к разговору, невольно переносясь в прошлое, когда благовоспитанные дамы совер-

шали в этих галереях свой променад, секретничая или обсуждая новые веяния той моды. Может, даже сама Татьяна Васильевна Юсупова, жена самого известного прежнего владельца усадьбы, ступала здесь.

— Все это странно, но, мне кажется, есть какая-то связь между твоим появлением в семье и прекращением летнего отдыха на Рублевке, — говорил меж тем Джон.

— Кто там жил?

— Ох, Энни, твой пытливый ум никогда не дает тебе покоя. Как я уже говорил, до семи лет я с прабабушкой каждое лето. Потом, как ты появилась, мы перестали туда выезжать. Однажды я спросил отца, что с этим домом. Он ответил, что дом принадлежал его очень хорошим знакомым, они его продали в год рождения Энни, поэтому не стоит о нем и говорить.

— Что предлагаешь?

— Для начала узнать, чей это дом, потом выяснить все подробности, попробовать напроситься туда в гости к новым владельцам, на месте осмотреться, может, что удастся вытащить на свет божий.

— Честно, не вижу никаких оснований, что этот дом поможет нам в расследовании, но идея мне твоя нравится. И вообще, это хоть какое-то действие в нашу эпоху застоя.

Мы дошли до конца галереи. Выходя из нее, я в состоянии своей задумчивости не заметила корень какого-то дерева, торчащего из земли, и непременно упала бы, если бы сильная

рука Джона не подхватила меня за талию, на какое-то время прижав меня к себе. От неожиданности произошедшего мы сильно смутились оба. Когда он выровнял мое положение, мимолетно посмотрел мне в глаза и медленно убрал руку. За всем происходящим очень внимательно смотрела младшая сестра Джона. Моя подруга, как я уже успела заметить, отличается не только любознательным и пытливым умом, но и повышенной наблюдательностью и умением подмечать любые тонкости в человеческом настроении.

— Интересно, а как ты собираешься что-либо узнать, — продолжила между тем разговор Анята, как будто ничего и не произошло, — если к родителям с прямым вопросом мы не можем обратиться. Они, как ты помнишь, болезненно относятся к моим проискам.

— Может, как раз и стоит напрямую? Ведь если я прав, то наши вопросы будут для них неудобными, а если ошибаюсь, то им нечего скрывать.

— Предположим, что ты прав. Что дальше?

— Давай двигаться поступательно, а затем уж, как говорит твоя новая подруга, «а там разберемся».

— Ну давай начнем разбираться. Энн, ты с нами?

— Конечно, до чертиков интересно, чем дело кончится.

Глава 5

Как-то после очередного воскресного обеда в семье Траверс, постоянным членом которого я незаметно для себя стала, Джон строгим голосом объявил, что желает серьезно поговорить со своей сестрой и ее подругой, для чего просит проследовать за ним в кабинет его отца. Полные недоумения, мы с Анютой резко прекратили пошучивать над леди Шарлоттой и под удивленные взгляды четы Траверс прошествовали за их старшим отпрыском. В кабинете Джон с деловитым видом сразу сел за отцовский стол, жестом приглашая нас занять свободные кресла. Мы с мисс Траверс проигнорировали его приглашение и обе плюхнулись на диванчик, стоявший чуть поодаль, в глубине кабинета, отчего старшему брату моей подруги пришлось развернуть свое ультрамодное деловое кресло-стул на 180°.

— Джон, ты так строг, что выглядишь будто судья в зале заседаний перед оглашением приговора самому матерому преступнику, да, Энн?

— Угу, молоточка не хватает и парика. Помнишь, у тебя где-то остался один после костюмированной вечеринки у Элочки?

— Так ее звали Элочка?

— Это единственное имя, которое я тогда запомнила, —

захихикала я.

— Какая еще Эллочка? — рявкнул Джон.

— Будущая невеста твоего друга детства, на вечеринку к которой ты нас так безжалостно послал вместо себя, — чуть обиженно надув губы, проворчала Аня.

— И что? Вам не понравилось?

— Ну, поскольку мы никого там не знали, все были парами, а мы одни, поэтому пришлось быстро выпить по бутылке шампанского, отплясать пару па и быстро удалиться, слегка обнявшись, пока дело не дошло до сексуального скандала.

— Почему сексуального?

— Ну как же, я же говорю, это была парная вечеринка, то есть все парами, поэтому нас двоих тоже подозревали в этой самой паре. Сориентировавшись на местности и осмотревшись, мы, проанализировав обстановку, решили, что опровергать сей факт будет более невежественно, чем открыть в себе новые грани личности, поэтому решили быстро ретироваться, но для начала набраться для храбрости подкрепляющим шипучим напитком (не каждый день ты сам себе признаешься, что испытываешь влечение к своему полу).

Старший брат Энни Траверс ошеломленно смотрел на нас несколько мгновений, пока до его сознания не дошла очевидная мысль, что на такую авантюру мы пошли исключительно ради исполнения его просьбы. Примирившись с действительностью, он глубоко вздохнул и, тем не менее, гаркнул на нас что есть мочи: «Блондинки».

Мы с Анной повернулись друг к другу и внимательно посмотрели на макушку подруги с целью исследования, не пора ли кому-нибудь из нас навестить парикмахера в ближайшее время, но наше изучение голов было прервано горячей тирадой Джона, который все-таки вспомнил, зачем он нас сюда позвал.

— Юные леди, мне кажется, вам пора прекратить потреблять подкрепляющие шипучие напитки, а то вы забываете истинную цель вашего союза.

От такой фразы мы с Анной Траверс впали в глубокую задумчивость, и если Джон, произнеся эти слова, рассчитывал настроить нас на серьезный лад, то он преуспел в этом деле, поскольку все наши мысли с Анютой стала занимать мысль, не много ли мы пьем, и как измерить это много. Мы с некой осторожностью опять посмотрели друг на друга, ища на лице подруги подтверждения этого самого много. Джон же практически в бессилии попытался в очередной раз нас вернуть к действительности и все-таки озвучить причину, по которой мы заняли кабинет его отца.

— Энн, Анна, давайте уже поговорим, я две недели по ночам (иного времени не было, случился очередной аврал) перелопатил кучу всяких документов, и, мне кажется, нашел отправную точку твоего, Анют, исследования.

Мы замороженно повернули головы и стали внимательно слушать Джона.

— Во-первых, я теперь точно могу подтвердить, что тай-

на твоего рождения действительно существует: в одной из архивных папок я случайно нашел клятву наших родителей, данную друг другу, что никто из них ни при каких обстоятельствах не расскажет кому-либо, в первую очередь, своим детям, как ты появилась в нашем доме. Документ подписан на следующий день после нашего с тобой знакомства. Вся ответственность за раскрытие тайны возложена на нашу прабабушку в день твоего четырнадцатилетия при условии, что сама ты к этому времени захочешь узнать ее. В случае, если до того времени ты не проявишь такого интереса, то принимается решение, что эта тайна уйдет вместе со старшими членами семьи.

Во-вторых, твое появление в нашей семье и прекращение летнего проживания в домике на Рублевке — вещи взаимосвязанные, как я и думал. Дело в том, что во время нашего пребывания там из года в год каждый день к нам приходила помощница по хозяйству из местных жителей, которую нанимали хозяева дома. Она присматривала за домом круглый год, а летом, когда там жили мы с прабабушкой, она готовила, убирала и всячески обустроивала наш быт. Она была чрезвычайно болтлива и очень любила совать нос в нашу частную жизнь. Это помню даже я своим детским умом. Бабушка наша, да и как вся наша семья, я имею в виду наших родителей, держались с ней всегда приветливо-холодно и не давали ей никакой информации для последующих сплетен. Она всячески пыталась разговорить меня, чтобы я поведал

ей какую-нибудь душераздирающую тайну, которую потом можно было бы неделями обсуждать с такими же местными кумушками, но я ее боялся и всегда сбегал, заведев ее. Надо отдать ей должное, хозяйство она вела превосходно, готовила вкусно, поэтому все вынуждены были с ней мириться. Плюс, не моя семья ее нанимала и оплачивала ее услуги, поэтому каких-либо возражений с нашей стороны по поводу ее существования в нашем пространстве никогда не возникало. Я подозреваю, что жена папиного друга, которая была хозяйкой этого дома, имела склонность к обсуждению, причем страстному обсуждению, личной жизни своих знакомых, поэтому, судя по настырным расспросам нашей помощницы, допускаю, что могла доплачивать той за какие-нибудь сведения о нашей семье.

При таких условиях летнего существования при наличии необходимости сохранения семейной тайны о появлении в ней младшего ребенка наши родители приняли решение прекратить вообще наши поездки в этот загородный дом своих друзей. Так, на какое-то время я лишился подруги детства, с которой встретился снова спустя семь лет на этапе ее превращения в прекрасного лебедя из гадкого утенка, а у моих родителей образовалась новая проблема по устройству ребенка на лето.

— И чем нам могут помочь эти сведения? — недоуменно спросила Анюта, теряя терпение.

— Тем, что на этом история с домом не заканчивается, а

только начинается. И если ты, моя милая сестренка, удосужишься выслушать меня до конца, то уверяю тебя, под конец моего рассказа сила твоей благодарности будет зашкаливать за все известные системы измерений.

— Хм, многообещающе.

— Меня в связи с этим очень интересует, в каких показателях измеряется благодарность, чтобы понимать в последующем, в каких системах наблюдать зашкаливание.

— Слушайте, ваш мозг когда-нибудь отдыхает?

— Да! Когда мы с упоением слушаем моего старшего брата.

— Угу, я вижу. Ладно, продолжим.

Через некоторое время, согласно отрытым мной документам из семейного архива, мой отец приобретает этот дом у своего друга, причем в очень сжатые сроки и по очень высокой цене. В скопище просмотренных мной фактов какая-либо причина столь непонятного поступка не выявлена, хотя каждый документ я просмотрел как минимум два, а то и три раза. Наверное, это останется тайной за семью печатями. Но, что самое интересное, в переписке между моим отцом и матерью того периода всплывает информация, что на чердак вновь купленного дома можно отвезти все вещи, причастные к появлению их дочери в семействе Траверс, в т.ч. и папку с документами. Поэтому мой отец просит мать незаметно подготовить все необходимые вещи, а он, вернувшись из командировки, тут же незамедлительно отвезет их в куплен-

ный дом.

От такой новости мы с Анютой замерли на диванчике. На миг мы в прямом смысле слова потеряли дар речи, только молча смотрели на Джона, предполагаю, широко раскрытыми глазами.

— Я теперь понимаю, что такое неизмеримая благодарность, — произнесла я вслух первая, очнувшись от такой потрясающей новости.

— То есть ты хочешь сказать, что я наконец-то могу заняться чем-то реальным и направиться в этот самый дом в поисках всех этих свезенных вещей, вместо туманных рассуждений, как оно могло быть? — спросила прагматичная Анюта, к которой уже вернулось все ее обычное самообладание и трезвость мыслей.

— Именно это и пытаюсь донести до вас обеих вот уже битый час.

— До нас, обеих?

— Ты что хочешь меня бросить одной разбираться схламом? — резко повернувшись ко мне, спросила младшая Траверс. — Не забывай, что я не умею готовить, а в силу увлеченности своей натуры могу зависнуть на чердаке часами, что может грозить мне голодной смертью. Боюсь, что мои родственники спасибо тебе за такое не скажут.

— С учетом, что весь чердак захламлен вещами под завязку, быстро ты с ним не расправишься в одиночку. Не хотелось бы терять столь дорогого мне человека в самом рас-

цвете сил.

— Откуда знаешь про наполненность чердака?

— Смотался в один из вечеров на этой неделе, рассчитывал найти там что-нибудь и преподнести тебе на блюдечке с золотой каемочкой, но не вышло. Тамхлама столько, и все такое интересное, что можно провести годы жизни, разбирая его. Поэтому одну тебя точно туда не допущу, да еще и буду вам помогать по мере возможности.

— Когда переезжаем?

— У меня свободно завтрашнее утро, могу вас сопроводить в дом и все показать.

— Дом сильно запущен? — встряла я в разговор родственников, параллельно прикидывая, сколько времени уйдет у нас на уборку жилых помещений, чтобы создать себе комфортные условия на время проживания за городом.

— Дом практически в образцовом состоянии. Раз в две недели его убирает та самая женщина, пересудов которой испугалась моя семья три десятилетия назад.

— И что все это время дом стоял неиспользуемым? Мертвым грузом числился на балансе?

— Я так понимаю, что да. Узнал про него случайно в свете всей этой истории твоего происхождения. У тебя есть шанс вернуть дом к жизни.

— Так что, Энн, ты готова к временному переезду на свежий воздух?

— Конечно! Вспомнить молодость всегда полезно (каж-

дое школьное лето проводила на даче или в деревне у бабушек), а тут еще дом советской элиты с соответствующим месторасположением.

— Тогда завтра в 8:00 у твоего подъезда.

— Договорились.

Мы втроем спустились к чете Траверсов, Джон тут же немедленно откланялся, сославшись на запланированное свидание, а его младшая сестра объявила родителям, что у нее есть повод, но поскольку родители отказываются помогать ей в ее аванюре, то она со своей подругой уходит праздновать в другое место.

Мне, как и Аняте, хотелось обмозговать услышанное в одиночестве, а потом уж поделиться с подругой своими соображениями на этот счет. Расставаться с ней тоже не хотелось сейчас, поэтому по обоюдному согласию мы пошли в кино на премьеру какой-то примитивной душевной мелодрамы, чтобы, не сильно отвлекаясь на переживания главных героев, обдумать новую складывающуюся ситуацию вокруг тайны появления Энни Траверс в ее семье.

— Ну и что ты думаешь обо всем этом? — спросила позже меня Анята, когда мы сидели в ближайшей от кинотеатра «Шоколаднице».

— Фильм не произвел на меня никакого впечатления, ни с художественной точки зрения, ни с точки зрения развития сюжета, ни в плане игры актеров...

— Энн!

— Ну ладно, ладно, уж нельзя и поиздеваться. Я думаю, что в свете возникшего тупика, информация о наличии места, где может быть хоть что-то связанное с твоим появлением на свет, расширяет нам поле деятельности. Может, мы и ничего там не найдем в этом доме, но по крайней мере, какое-то время наши головы и руки будут заняты необременительным трудом, что, наверно, позволит нашим мыслям о глобальной стороне вопроса течь беспрепятственно.

— И что?

— Ну, я имею в виду, что, когда руки заняты рутинным трудом, лучше думается о великом.

— А, то-то я смотрю, ты ударяешься в свое вышивание, как только я тебя о чем-нибудь серьезном спрошу.

— Угу, раскусила. Люблю пазлы, вышивание.

— Короче, все то, что способствует развитию логического мышления. Ладно, поняла. Тут я с тобой полностью согласна, раз пока все равно ничего не происходит в моей жизни, можно и поразбирать старый чердак. Может, впоследствии я назову этот период счастливейшим в моей жизни и буду в старости вспоминать, как мы с утра до ночи, забывая про сон и еду, ползали на коленках по старому чердаку, пытаюсь найти хоть что-то отдаленное, связанное с моим рождением...

— Что-то не так? — спросила моя подруга, недоверчиво глядя на меня. — Какая часть моего представления о нашем ближайшем будущем тебя смутила? Пыль, низкие потолки, коленки?

— Почему забывая про еду? Я собираюсь оттянуться по полной и каждый день радовать нас новыми блюдами. Как же давно я не готовила и как же я люблю это делать!

— Угу, готовка — она, как и пазлы с вышивкой — из одного разряда. Ну готовить я не люблю, но раз ты берешь на себя такую повинность в снабжении нас качественным провиантом, то я могу обеспечивать нас элитным алкоголем под твою стряпню.

— Не уверена, что у нас тогда с тобой дойдет до чердака. Хотя времени у нас вагон, у меня лично планов на лето нет, поэтому готова в перерывах между трапезами подниматься на верхний этаж дачного домика, проползать пару метров и возвращаться. — Анята фыркнула от такого предложения и уже была готова добавить еще парочку затейливых сюжетов на эту тему, как неожиданно замерла, схватив мою руку чуть повыше ладони, и уставилась заинтересованным взглядом в окно, где в это время прошел элегантно одетый мужчина, своим образом, напоминавшем ее брата, нежно обнимающим какую-то не менее элегантную женщину.

Анна Траверс молниеносно вскочила, бросила на столик деньги, всем своим видом призывая меня последовать ее примеру, и поспешила к выходу, попутно надевая плащ. Мне не оставалось ничего другого, как стремительно последовать за ней, пытаясь на ходу узнать, что мы собираемся делать.

— Как что? Следить, конечно.

— За кем?

— За фигурой, отдаленно напоминающей моего брата. Вернее, очень даже «даленно», поэтому у меня нет сомнений, что это он.

— Следить?

— Энн, прекрати! Не говори мне, что тебе неинтересно взглянуть на его девушку. Пошли, мы не преследуем никаких грязных помыслов, нам просто очень интересно. Побежали же.

Когда мы выскочили на улицу, то никого отдаленно или близко напоминающего даже просто мужчину на ней не было, как, впрочем, и напоминающей женщины. Улица была абсолютно пуста, вот совсем пуста. Мы замерли в полной неожиданности, потому что такое явление, как отсутствие людей на улице, для столичного мегаполиса не свойственно, даже утром первого января всегда кто-нибудь да есть, а тут никого.

— Никого? — Через некоторое время первой пришла в себя Аня.

— Неа.

— Как странно! У меня даже пропала охота выслеживать Джона. Давай просто пройдемся по такой необычной Москве.

И мы пошли с ней по тротуару, ловя в редких лужах свое отражение, искаженное в свете уличных фонарей. Приятный легкий ветерок, как отголосок недавнего ливня, с намеком на некую прохладу после изнуряющей жары, приятно щеко-

тал наши открытые участки тела, мы пытались уловить его, подставляя то одну, то другую щеку. Весь окружающий мир был пронизан гармонией и спокойствием, создавая ощущение единства и полноценности Вселенной. Энни взяла меня за руку, чтобы лучше разделить это чувство беспредельного счастья, так неожиданно свалившегося на нас. Я в ответ слегка сжала ее руку. Так мы бесцельно шли целых десять минут, пока нам навстречу наконец-то не появился первый прохожий, после чего все очарование этого вечера неловко растаяло в миазмах, поднимающихся от еще не высохших после дождика луж.

Глава 6

Мы сидели на полу в комнате Анюты, потягивали Pinot Grigio и вспоминали все свои неудачные любовные опыты. Я хотела рассказать моей подруге про те отношения, которые оставили глубокую рану в моей душе. Я чувствовала, что она еще не затянулась, и даже если это когда-нибудь случится, то на моем сердце останется глубокий рубец. Я решила для себя, что таких сильных эмоций, такого накала страстей, такого тотального растворения в другом человеке мне уже не суждено будет испытать никогда, а, значит, мой удел — это встретить хорошего человека, к которому буду испытывать чувство глубочайшей привязанности и уважения, выйти за него замуж и быть ему верной подругой во всех его начинаниях. В будущем обзавестись небольшим загородным домиком (хотя, можно и большим), родить ребятишек троих, заниматься любимым делом и жить потихоньку. Вот только встретить такого человека мне уже шесть лет как не удастся. Но я оптимистка и верю в светлое будущее.

Уже, действительно, прошло шесть лет после моего ухода с предыдущей работы, повлекшего разрыв с моим принцем сердца. Еще я боялась признаться себе, что глубина моих чувств была больше, чем у моего любимого мужчины. Я до сих пор его любила и каждый раз внутренне вздрагивала

от мимолетной похожести черт в проходившем незнакомце, от едва уловимого запаха того же парфюма, от аналогичного сочетания имени и отчества.

Я так и не смогла поверить, что он вот так в одночасье взял и отказался от меня, сведя все контакты на нет без объяснения причин. Я писала ему СМС, писала во все средства мгновенного обмена сообщения типа «аськи» и прочее, писала письма на электронную почту с единственным вопросом «Почему?». В тот период времени я не жила, я только рефлексировала, пытаюсь понять, что я сделала не так, как я могла упустить его, позволить ему уйти из моей жизни.

— Эй, Энн, ты со мной? Что с тобой? — Аня тронула меня за руку.

Я очнулась в незнакомой комнате (первое время я не могла понять, где нахожусь), крепко сжимающей ладонями бокал с белым вином. От жара моих рук вино стало теплым. Я медленно обвела комнату взглядом, постепенно возвращаясь к действительности.

— Да, извини, накрыли воспоминания.

— Похоже, они были не столь радостными, как мои, — сказала моя подруга, подбрасывая мне в бокал кусочки льда. — Если хочешь, можешь сменить тему.

— Нет, я готова рассказать все. До этого момента я еще никому ничего не рассказывала про наши взаимоотношения с... Назовем его К. Сейчас я чувствую, я должна поделиться, чтобы двигаться дальше.

— Ну что же, в моем лице ты найдешь благодарного слушателя, ну, откровенно говоря, и любопытного. Мне с первого дня знакомства было страшно как любопытно узнать, почему у такой потрясающей во всех отношениях девушки нет рядом мужчины. Я даже поначалу ревновать стала: вижу же, какой интерес ты вызываешь у противоположного пола, как все головы сворачивают вслед, когда ты неуловимо проходишь мимо. Ревновала, что если кто осмелится подойти познакомиться, то ты для них будешь на первом месте, а потом уж я. Наблюдая за тобой в течение разговора, я успокоилась, потому что твоя некая холодная дружелюбность дает мне больше шансов завязать отношения при таком раскладе.

— Анята отпила глоток вина и улыбнулась.

— Я заметила, что ты не теряешь времени даром: за то время, что мы знакомы, уже второй кавалер. И как? Перспективный?

— Не знаю, что-то в нем не то, а что не пойму. Может имя дурацкое — Николай. Так, стоп, не отлынивай и не переводи все стрелки на меня. Рассказывай уже свою душещипательную историю.

Это был служебный роман. Начался он внезапно, в первую очередь внезапно для меня. Мне было приятно просто общаться с человеком, он был младше меня и у него на тот момент была девушка, поэтому я его совсем не рассматривала как героя своих девичьих грез. У нас было много общего, сидели мы за одним большим офисным столом друг на-

против друга, потому что руководство быстро рассмотрело синергетический эффект от наших совместных усилий и постоянно поручало нам один проект на двоих. У нас на самом деле была команда профессионалов, достигающая потрясающих результатов в работе. В человеческом плане нам было более чем комфортно. Я работала тогда в молодой растущей компании, где основной контингент сотрудников — это либо вчерашние студенты, либо студенты старших курсов. В связи с чем мы часто общались вне работы, посещая все значимые события Москвы: будь то спортивные мероприятия или концерты заезжих в столицу мировых звезд музыки, или что-то еще.

К. был эталоном настоящего мужчины: высок, красив, галантен, щедр, умен, добр с отменным чувством юмора. Новогодний корпоратив мы отмечали в небольшом ресторанчике, арендованном на всю ночь под нашу и материнскую компанию. Мы держались своим офисом отдельно от других сотрудников и абсолютно не страдали. К. галантно приглашал на медленные танцы всех наших сотрудниц, остальные мужчины следовали его примеру и также танцевали со всеми нами. Меня немного удивило, что К. ни разу не пригласил меня, но никакого чувства ревности не было и в помине.

Праздник потихоньку угасал, и к трем часам ночи большая часть гостей покинула заведение, осталось не больше десятка самых стойких. Мы с К. предварительно решили, что дождемся открытия метро, поэтому собирались протусить,

выражаясь современным языком, всю ночь. Да, были времена, когда мы еще пользовались общественным транспортом, мечтая о персональных автомобилях и не зарабатывая еще даже на такси.

Музыка на танцполе крутилась исключительно медленная. С нами коротала время наш делопроизводитель, которая также ждала первого поезда, чтобы попасть к себе домой в Подмоскovie. В какой-то момент, когда мы с К. остались вдвоем за столом, он протянул мне руку и со словами: «Пойдем», вывел меня на площадку для танцев. Он нежно привлек меня к себе, и мы закружились под чарующие звуки музыки. Я прижалась ближе, вдыхая запах парфюма, свежего белья и естественные запахи молодого тела. Я закрыла глаза, полностью растворяясь в этой волшебной ночи, щекой прижавшись к щеке К. То ли алкоголь так подействовал расслабляюще, то ли общая атмосфера праздника, но через некоторое время, придя в себя, я осознала, что К. нежно целует меня, а я отвечаю ему. Затем он переключился на мою шею и покрыл ее не менее нежными поцелуями. Я затрепетала в его руках, осмелилась открыть глаза и посмотреть в его. В них не было ни намека на пьяную туманность, все это он проделывал с предельной ясностью и осознанностью. Для меня же сложившаяся ситуация стала полной неожиданностью. Но в тот миг я отбросила все мысли и просто поддалась чувству, тогда я и влюбилась в него.

Мы протанцевали, вернее, процеловались до половины

шестого утра, а затем, обнявшись, прошли через заснеженный парк к ближайшему метро, где просто попрощались и разошлись на разные стороны платформы. В первый рабочий день мы вели себя как обычно, потребности поговорить и обсудить случившееся у нас у обоих не было. Три месяца мы страстно целовались после корпоративов, прощаясь в метро. А потом, в марте, мы большим составом нашего коллектива уехали в командировку в один из областных центров центральной России. Днем мы работали не покладая рук, вечером ходили ужинать, потом разбредались по комнатам (состав у нас был забавный: шесть мальчиков и шесть девочек и тринадцатый руководитель — заместитель генерального директора) по четверо: две девочки и два мальчика в одной комнате. Мы нашей четверкой играли в карты до умопомрачения. В первый вечер мы сидели в комнате К., который проживал с еще одним сотрудником. Допоздна заигравшись в карты, глубоко за полночь мы решили-таки разойтись по комнатам и немного поспать, ведь наутро предстоял тяжелый трудовой день с ранним подъемом.

Моя соседка ушла первой, я же на некоторое время задержалась, чтобы дать ей возможность сходить в душ и освободить его к моему приходу. Сосед К. также занял их душ. Мы сели молча на диван, К. держал меня за руку. Минут через пять я стала прощаться и, практически дойдя до двери комнаты, резко развернулась, ища повод, чтобы остаться. Оказывается, все это время К. следовал за мной, поэтому я на-

толкнулась на него при резком развороте. Он страстно обнял меня, поцеловал, подхватил на руки и отнес на диванчик, на котором мы до этого резались в картишки. Страстно раздевая меня на нем, он на мгновение остановился и сказал, что у нас нет никаких средств защиты, и на мой вопрос, что же делать, ответил, что сегодня обойдемся так, а завтра по первой возможности в аптеку. Все было бесподобно. Мне даже сейчас не верится, что все это происходило со мной. Ночь мы практически не спали, я ушла ближе к пяти, а общий подъем был назначен на семь.

Днем работа, инвентаризация на заводе, цеха, станки, обилие коллег и никакой возможности уединения. После совместного с коллегами ужина мы, наконец, смогли избавиться от всех для того, чтобы он сказал мне, что совершил глупость и нам лучше не продолжать отношения в романтическом ключе. Я это понимала и была готова, но разум, душа кричала: «Почему?»

Нашу договоренность мы решили скрепить делением пополам жвачки и таким чисто дружеским объятием... которое переросло в совсем даже недружеское. Мы ходили по городу, пили кофе с коньяком в маленьких кафе, смотрели на провинциальный городок, целовались на каждом перекрестке в холодную весеннюю ночь, пока все коллеги грелись перед телевизором в гостинице, и были просто счастливы. Придя в гостиницу, мы почему-то по умолчанию (мы все делали исключительно по умолчанию на протяжении четырех лет об-

щения) пошли к нему в номер, где очень естественно перевели наши отношения снова в горизонтальную плоскость.

Это было незабываемо! Такое ощущение, что мы знали друг друга немыслимо давно и при этом столько всяких открытий готовил нам каждый поцелуй и каждое прикосновение... Это была песня родственных душ, летевшая над спящим городом, уносясь далеко-далеко за пределы галактики, это было слияние двух половинок инь и янь, той ночью я познала законченность и совершенство мира... Той ночью почти ровно десять лет назад мне открылась истинная сущность нашего бытия, основанная на любви. Только любовь — главное в этом мире, чуть позже я узнаю, что любовь имеет разные проявления, разные сущности, что она многогранна, непредсказуема, но всегда прекрасна (наши чувства к детям, к родителям, к любимому делу, к друзьям, к коллегам, бывшим одноклассникам — все это тоже любовь). Весь наш мир овеян ею, все, что мы делаем, если мы делаем с любовью, то нам сопутствует удача и успех. Но в ту ночь я познала вершину, самую верхнюю точку любви, основанную на любви между мужчиной и женщиной, как квинтэссенцию всего сущего на земле. Ведь благодаря именно этой любви на свет зарождается новая жизнь, и только так брэнность нашего существования обретает смысл...

Мы не спали в общей сложности четыре ночи. Коллеги наши не подозревали, что происходит между нами. Хотя, наверное, они догадывались, но благодаря нашей энергетике

ни разу не обсуждали ни при нас, ни без нас, что там между нами (достоверно знаю из откровенного разговора спустя несколько лет с одной из сотрудниц). В поезде при обратном возвращении мы на глазах у всех спали (наконец-то отсыпались) на одной полке (по сравнению с коротким диванчиком, на котором мы проводили предшествующие ночи в моем или в его номере, нижняя полка в поезде нам показалась кинг-сайзом). Наш роман длился на работе, при любой возможности мы любили друг друга во всем пространстве опустевших офисов (мы в тот год часто переезжали), в том числе и на офисных столах, мы целовались неистово после всех вечеринок, когда оставались одни, но ни разу не встретились вне рабочего дня. Ни разу мы так и не обсудили, что происходит между нами, ни разу не высказались о своих чувствах вслух. Мы общались глазами в моменты нашей близости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.